

Переходя к рассмотрению ситуации под Саталой, следует вспомнить, что в ней, согласно *Notitia*, располагался пограничный легион XV *Apolinaris* (Or. XXVIII. 13), т. е. регулярная часть *limitanei*. Возникает вопрос, кто же обрабатывал поля лимитанов в окрестностях города. Сатала, кроме того, довольно далеко отстояла от границы первой половины V в., а, следовательно, *fundi limitotrophi* могли лежать и глубоко в тылу. Для того чтобы ответить на этот вопрос, видимо, необходимо сравнить ситуацию под Саталой с положением дел на близлежащих пограничных военных землях. Так, в Феодосиополе были расквартированы *equites promoti Illvriciani* (Or. XXXVI. 20) и, видимо, там земли предназначались под пастбища и сенокосы для их лошадей. Определенное сравнение напрашивается с рядом законов, запрещающих использование частных и общественных пастбищ провинциалов для *animalia militum* (С. Th. VII. 7, 3—5). Хотя в данном случае речь явно идет о походной армии (в законе упоминаются земли Апамеи и Антиохии), тем не менее очевидно, что кавалерия *comitatenses* имела собственные пастбища и государство предписывало использование только их. На границе же, наоборот, военные пастбища были более обширны.

Вот как, например, в IV — начале V в. выглядела ситуация в Месопотамии и Осроэне, там где законодательство локализует приватизацию земель, приписанных к лимесу. Под командованием дукса Месопотамии было 13 кавалерийских и 4 пехотные части (ND. Or. XXXV. 19—36). В гарнизоне соседней Армении числились 13 пехотных и 5 кавалерийских подразделений (Or. XXVIII. 11—38). К югу от дукатов Месопотамии и Осроэны соотношение конных и пехотных частей, за исключением Палестины (18 : 12 — Or. XXXIV. 18—48), почти повсюду составляет 2 : 1: Сирия — 12 : 6 (Or. XXXIII. 16—35), Финикия — 19 : 7 (Or. XXXII. 18—44), Аравия — 14 : 7 (Or. XXXVII. 14—35). Наибольшая насыщенность пограничья кавалерией в дукатах Месопотамии и Осроэны обуславливалась тем, что именно там персы постоянно атаковали империю. В этом плане достаточно сослаться на специальную миссию Ногодареса, посланного царем с целью постоянно тревожить границу Месопотамии (*Атт.* XIV. 3, 1).

Из всего этого можно сделать вывод о том, что земли на этом участке лимеса явно были предназначены для лошадей пограничной кавалерии. В законе нет и намека на их возделывание: «Все патримониальные земли в провинциях Месопотамии и Осроэны, объявленные. . . в прошлом закрепленными за лимесом. . . восстанавливаются в их прежнем состоянии» (*Cod. Just.* XI. 62, 8). Нестабильность военных территорий здесь объясняется, на наш взгляд, перманентными войнами и конфликтами, которые длились до смерти Шапура II. Очевидец событий Аммиан в конце IV в. писал: «. . . свирепейшее племя в течение шестидесяти лет доставляло Востоку жесточайшие раны убийствами и грабежом, в то время как наши войска часто бывали разгромлены до истребления» (*Атт.* XXII. 12, 1).

Не случайно поэтому закон об упорядочении дел с военными территориями в Месопотамии и Осроэне (386 г.) последовал после заключения мира с персами в 384 г. Думается, что по этим же причинам он перешел и в Кодекс Юстиниана: в 529 г. был заключен так называемый «Вечный» мир, в 534 г. появилась окончательная редакция кодекса. Таким образом, с известной долей осторожности можно считать, что военные территории на месопотамско-осроэнском пограничье в течение всего ранневизантийского периода в значительной степени использовались в качестве пастбищ пограничной кавалерии и вряд ли там приватизировались.

Ситуация в Сатале, очевидно, была в значительной мере иной: сам ее гарнизон, согласно позднеантичным принципам военного строительства, не мог возделывать государственные *fundi limitotrophi*. Коль скоро, судя по адресатам законов, эти земли находились в ведении гражданских чиновников (префекта претория или магистра оффиций), то это до известной степени исключало возможность их захвата войнами. Частное солдатское землевладение, разумеется, существовало, особенно после реформ Севе-